

Маршалл Маклюэн

П О Н И М А Н И Е С Р Е Д С Т В

(Главы из книги)

Пер.с англ. Сергея Хренова

ПРОИЗНОСИМОЕ СЛОВО: Цветок зла?

Несколько секунд из популярной дискотеки были записаны следующим образом:

Это Патти Бейби и это девочка с танцующими ножками, а это Фредди Кэннон здесь на "Дискотеке Дэвида Микки" сегодня вечером у-ла-ла скуба-ба как дела па-па. А теперь мы будем "Раскачиваться на звезде" и шшшшшш-ух скатываться по лунному лучу.

О-о-о-о-о-о-о-о-о как насчет вот этого... один из наилучших парней с вами... это обаятельный и привлекательный Д.М. в 22 минуты десятого, ла-а-адненько, теперь у нас будет список боевиков, все, что вам нужно сделать, это набрать 5-1151, 5-1151 и сказать им, какой ваш номер в списке.

Дейв Микки попеременно кричит, стонет, свингует, поет, солирует и скороговорит, всегда реагируя на свои собственные действия. Он всецело движется в произносимой, а не написанной области опыта. Таким образом и добиваются участия публики. Произносимое слово драматически вовлекает в себя все чувства, хотя высоко образованные люди стремятся говорить как можно более связно и последовательно. Вовлечение чувств, естественное для культур, в которых письменность не является ведущей формой опыта, иногда отмечается в путеводителях, как например, в этом отрывке из путеводителя по Греции:

Вы заметите, что многие греки, по-видимому, проводят множество времени, пересчитывая бусинки, по сути дела являющиеся янтарными четками. Но они не имеют какого-либо религиозного значения. Это "комболойа" или "бусы волнения", наследие турков, и греки пощелкивают ими на суше, и на море, и на небе для того, чтобы отвратить ту невыносимую тишину, которая готова разразиться там, где запаздывает разговор... Более эстетичная, чем кусание ногтей, менее дорогая, чем курение, эта одержимость демонстрирует осязательную черту народа, создавшего величайшую скульптуру западного мира.

Там, где в культуре недостает зрительного груза письменности, возникает другая форма чувственного вовлечения и культурной оценки, которую прихотливо объясняет наш путеводитель

... Не удивляйтесь частоте, с которой вас в Греции будут похлопывать, обнимать и поглаживать. Вы в конце концов почувствуете себя домашней собачкой... в нежной семье. Это пристрастие к похлопыванию, как нам кажется, является осязательным проявлением сильного греческого любопытства, отмеченного ранее. Словно ваши хозяева пытаются узнать, из чего вы сделаны.

Огромную разницу в особенностях произносимого и написанного слов сегодня легко изучать, поскольку существует близкий контакт с обществами, не имеющими письменности. Один абориген, единственный грамотный член своего племени, рассказывал, как он выступает в качестве чтеца для других, когда те получают письма. Он говорил, что вынужден затыкать пальцами уши, читая вслух, чтобы не нарушать частного характера писем. Это интересное свидетельство ценности человеческого характера, поощряемого зрительным грузом фонетической письменности. Такое отделение чувств и индивидуума от группы едва ли может произойти без влияния фонетической письменности. Произносимое слово не дает продолжения и училения зрительной мощи, необходимой для индивидуалистических и личностных привычек.

Это помогает оценить природу произносимого слова в противопоставлении написанной форме. Хотя фонетическая письменность выделяет и продолжает зрительную мощь слов, она сравнительно груба и медленна. Существует не так много способов написать "добрый вечер", но Станиславский обычно просил молодых актеров произнести это пятьюдесятью различными способами, в то время как публика записывала различные оттенки выраженных чувств и смыслов. Множество страниц прозы и множество повествований было посвящено выражению того, что в действительности является всхлипыванием, стоном, смехом или криком. Написанное слово последовательно произносит то, что мгновенно и неявно в произносимом слове.

И опять-таки, в речи мы стремимся реагировать на каждое создавшееся положение, реагировать тоном и жестом на наш собственный акт говорения. Но письмо стремится быть своего рода отдельным и специализированным действием, у которого мало возможности для реакции и нужды в ней. Человек или общество, владеющие пись-

менностью, развивают поразительную способность по любому поводу действовать со значительным отстранением от чувств и эмоционального вовлечения, которое бы переживали человек и общество, ей не владеющие.

Французский философ Анри Бергсон жил и писал в русле мысли, в которой считалось и считается, что язык — это человеческая технология, ослабившая и уменьшившая ценность коллективного бессознательного. Продолжение человека в речи позволяет разуму отстраниться от крайне дикой действительности. Без языка, предполагает Бергсон, человеческий разум оставался бы полностью увлеченным предметами, предоставленными его вниманию. Язык дает разуму то, что колесо — ~~ниши~~ ногам и телу. Оно делает их способными ~~спереме-~~щаться от одной вещи к другой с большей легкостью и скоростью и с меньшим вовлечением в этот процесс. Язык продолжает и усиливает человека, но он также разделяет его способности. Его коллективное сознание и интуитивное знание уменьшаются посредством технологического продолжения сознания, то есть речи.

Бергсон заявляет в "Творческой эволюции", что даже сознание — это продолжение человека, затемняющее блаженство единения в коллективном бессознательном. Речь действует, чтобы отделить человека от человека, а человечество от космического бессознательного. Как продолжение или одновременное выражение наших чувств язык всегда был богатейшей художественной формой, отличающей человека от животного.

Если человеческое ухо можно сравнить с радиоприемником, способным преобразовывать электромагнитные волны и воспроизводить их в качестве звука, человеческий голос можно сравнить с радиопередатчиком в его способности переводить звук в электромагнитные волны. Способности голоса преобразовывать воздух и пространство в вербальные модели предшествовало менее специализированное выражение посредством криков, мычания, жестов, песен и танцев. Модели чувств, продолженные в различных человеческих языках, различаются так же, как стили в одежде и искусстве. Каждый родной язык учит своих пользователей способу видения и чувствования мира и действия в мире, который единственен в своем роде...

НАПИСАННОЕ СЛОВО: Глаз вместо уха.

Царь Модупе писал о своей встрече с написанным словом во времена, когда он жил в Западной Африке:

Наиболее заполненным местом в доме отца Перри были книжные полки. Постепенно я начал понимать, что значки на страницах были "пойманными словами". Кто угодно мог научиться расшифровывать эти символы и отпускать пойманные слова в речь. Печатная краска поймала мысли... Я задрожал от глубины своего желания самому научиться этому чуду.

Резкой противоположностью этому стремлению аборигена является современная тревога цивилизованного человека в отношении написанного слова. Для некоторых людей Запада написанное или напечатанное слово стало предметом особой заботы. Верно, что сегодня пишут, печатают и читают больше, чем когда-либо, но существует также и новая электрическая технология, которая угрожает древней технологии письменности, построенной на фонетическом алфавите. Благодаря своей деятельности по продолжению нашей центральной нервной системы электронная технология, кажется, благоволит волевающему и соучаствующему произносимому слову в ~~шии~~ сравнении со специализированным написанным словом. На западные ценности, основанные на написанном слове, уже значительно повлияли электрические средства — телефон, радио, телевидение. Вероятно, в этом причина того, почему многие образованные люди в наше время затрудняются исследовать этот вопрос без впадения в нравственную панику. Имеет место обстоятельство, что за более чем две тысячи лет истории письменности западный человек сделал так мало, чтобы изучить и понять воздействия фонетического алфавита при создании большинства основных образцов культуры. Начинать поэтому исследовать этот вопрос сейчас, возможно, слишком поздно.

Предположим, что вместо вывешивания звездно-полосатого флага, мы написали бы слова "американский флаг" на куске ткани и вывесили его. Хотя символы передавали бы то же самое значение, воздействие было бы совершенно отличным. Перевести богатую визуальную мозаику звездно-полосатого флага в написанную форму значило бы лишить его большинства свойств корпоративного образа и переживания... Вероятно, такой пример поясняет перемену, которую переживает человек племени, когда он знакомится с письменностью.

Почти все эмоциональные и корпоративно-семейные чувства устраняются из его взаимоотношений с социальной группой. Эмоционально он свободен отделиться от племени и стать цивилизованной личностью, человеком визуальной организации, имеющим единообразные склонности, привычки и права со всеми другими цивилизованными личностями.

Греческий миф об алфавите сообщает, что царь Кадмх, введший, как полагают, в Греции фонетические буквы, посеял зубы дракона, и они тут же превратились в воинов. Как в любом мифе, длительный процесс сжат зедсь в миг озарения. Алфавит означал силу, власть и управление армией на расстоянии. Соединенный с папирусом алфавит произнес приговор храмовой бюрократии и монополии священников на знание и власть. В отличие от доалфавитного письма, которым, с его бесчисленными значками, было трудно овладеть, алфавит можно выучить за несколько часов... Простой алфавит и легкий, дешевый и транспортабельный папирус вместе привели к переходу власти от священников к военным. Все это подразумевается в мифе о Кадме и зубах дракона, включая падение городов-государств, расцвет империй и военной бюрократии.

Говоря о продолжении человека, отметим, что тема зубов дракона в мифе о Кадме имеет огромное значение. Элиаш Канетти в книге "Толпа и власть" напоминает, что зубы — очевидный носитель силы у человека, и особенно у животных. Лингвистика с избытком свидетельствует о хватающей, поглощающей силе ххвар и твердости зубов. То, что сила букв как носителей агрессивного порядка и твердости выражена как продолжение зубов дракона, вполне естественно. Буквы не только похожи на зубы зрительно, но их способность вгрызаться в дело строительства империй очевидна для истории Запада.

Фонетический алфавит — единственная в своем роде технология. Было много видов письменности, пиктографическое и силлабическое, но только в фонетическом алфавите семантически бессмысленные буквы используются как аналог семантически бессмысленных звуков. Такое резкое разделение и параллелизм между зрительным и слуховым мирами, с культурной точки зрения, и грубо, и безжалостно. Фонетически написанное слово жертвует мирами смысла и восприятия, которые охранялись такими формами, как иероглиф и идеограмма. Эти культурно более богатые формы письменности, однако, не предлагали человеку средств для мгновенного переноса из магически прерывистого и традиционного мира племенного слова в холодное и единообразное средство массовой информации. Многове-

ковое использование иероглифов не поставило под угрозу бесшовную паутину семейной и родовой утонченности китайского общества. С другой стороны, одного поколения алфавитной письменности оказалось достаточно — в современной Африке, как в Галлии две тысячи лет тому назад — чтобы освободить личность первоначально, по крайней мере, от племенных связей. Этот факт не имеет ничего общего с содержанием алфавитизированных слов; это итог внезапного разрыва между слуховым и зрительным опытом человека. Только фонетический алфавит производит такое резкое разделение в опыте, давая пользующимся им глаз вместо уха, и освобождая от племенного транса резонирующей магии слов и паутины родства.

Можно утверждать, что фонетический алфавит — та технология, которая стала средством создания "цивилизованного общества" — изолированных личностей, равных перед написанным кодом закона. Отделенность личности, непрерывность пространства и времени и единообразие кодов — первые вехи письменных и цивилизованных обществ. Племенные культуры, вроде индийской и китайской, возможно намного выше западных культур по охвату и тонкости их восприятия и выражения. Однако, мы занимаемся здесь не вопросом ценностей, но формами обществ. Племенные общества не могут развить возможности личности или отдельного гражданина. Их идеи пространства ни непрерывны, ни однородны, но сострадательны и скаты в своей напряженности....

Как сгущение и продолжение функции зрения фонетический алфавит снижает роль слуха, осязания и вкуса в любой культуре с письменностью. Этого не происходит в таких культурах, как китайская, использующих нефонетические знаки, что позволяет сохранить богатый запас восприятия глубин жизненного опыта, который исчезает в цивилизованных культурах с фонетическим алфавитом. Иероглиф — это скатый гештальт, а не аналитическое разложение чувств и функций, как фонетическая письменность.

Достижения западного мира, очевидно, являются свидетельством огромной ценности письменности. Но многие люди склонны думать, что мы приобрели структуру специализированной технологии и ценностей слишком дорогой ценой. Безусловно, линейное структурирование рациональной жизни фонетической письменностью вовлекло нас в некую непрерывную последовательность... Вероятно, существуют лучшие подходы в совершенно иных направлениях; на-

пример, рассматривать сознание как знак рационального бытия, однако нет ничего линейного или последовательного в общем поле знания, существующем в любое мгновение сознания. Сознание — не вербальный процесс. Однако в течение всех веков фонетической письменности мы благоволим цепочке умозаключений как знаку логики и разума. Китайская письменность, наоборот, вкладывает в каждый иероглиф все интуитивное постижение бытия и разума, что составляет ничтожную роль зрительной последовательности как знаку умственного усилия и организации. В западном обществе все еще принято говорить, что что-то "следует" за чем-то, как будто действует какая-то причина, создающая такую последовательность. В XVIII веке Юм показал, что ни в какой последовательности, ни природной, ни логической, не существует причинности. Последовательное — аддитивно, а не причинно. Доводы Юма, говорил Кант, "пробудили меня от догматического сна". Однако, ни Юм, ни Кант не увидели скрытой причины западного пристрастия в последовательному как "логичному" во всепроникающей технологии алфавита. Сегодня в век электричества мы чувствуем себя свободными придумывать нелинейные логики так же, как создаем неевклидовы геометрии. Даже конвейер как метод аналитической последовательности для механизации любого вида производства сегодня приобретает новые формы.

Только культуры с алфавитом овладели связанными линейными последовательностями в качестве всеохватывающих форм психической и социальной организации. Разбиение любого вида опыта на единообразные единицы для произведения быстрого действия или изменения формы (прикладное знание) стало секретом западного могущества над человеком и природой. В этом причина того, почему западные индустриальные программы совершенно невольно стали милитаристичными, а военные программы — индустриальными... Этот процесс, явный еще в греко-римскую эпоху, еще заметнее при единообразии и повторяемости гутенберговского развития.

Цивилизация основана на письменности, потому что письменность является единообразной обработкой культуры зрением, продолжением в пространстве и времени алфавитом. В племенных культурах опыт упорядочен чувствительной жизнью господствующей аудитории и реагируют в одно и то же время. Фонетическая культура обеспечивает людей средствами подавления чувств и эмоций. Действовать, не реагируя, не вовлекаясь — вот своеобразное преимущество западного человека...

... Цивилизирующий эксперимент ЮНЕСКО с водопроводом — с его линейной организацией труб — был поставлен в одном из поселений индейцев. Вскоре индейцы попросили убрать трубы, так как оказалось, что общественная жизнь поселения обеднела, когда исчезла необходимость посещать общественный колодец. Для нас труба — общепринята. Мы думаем о ней как о проявлении культуры или продукте письменности, не более, чем думаем о письменности как изменении наших привычек, эмоций и восприятия...

Русские, менее пропитанные моделями письменной культуры, чем американцы, встречают намного меньше трудностей при ~~широко~~ восприятии азиатских установок и приспособлении к ним. Для Запада письменность долго была трубами, кранами, улицами, конвейерами, опциями. Вероятно, самым могущественным выражением письменности является система единообразных цен, которая распространяется на удаленные рынки и управляет товарооборотом...

Все используемые алфавиты западного мира, от России до страны басков, от Португалии до Перу — производные греко-римских букв... Все остальные формы письменности служили только одной культуре и отделяли ее от других. Одни лишь фонетические буквы могут, хотя и довольно грубо, переводить звуки любого языка в один и тот же зрительный код... В то время, как мы выходим из Гутенберговской эры нашей собственной культуры, можно без труда распознать исходные черты однородности, единообразия и непрерывности...

Гитлер сделал пугало из Версальского договора уже потому, что тот распустил немецкую армию. После 1870 года шелкающие каблуками немецкие военные стали новым символом племенного единства и моды. В Англии и Америке то же чувство численного величия от абсолютных цифр ассоциировалось с растущим промышленным выпуском и статистикой благосостояния и производства: "миллионы тонн". Сила абсолютных чисел, давших динамический импульс к росту и расширению, таинственна. Элиас Канетти в книге "Толпа и власть" указывает на тесную связь между денежной инфляцией и поведением толпы. Он досадует на нашу неспособность изучать инфляцию как явление, связанное с толпой, так как ее воздействие на наш современный мир всепроникающее. Побуждение к неограниченному росту, присущее толпе, сборищу, орде, видимо, связано с экономической и популяционной инфляцией.

В театре, на танцах, в играх, в церкви каждый индивидуум рад, что присутствуют все остальные. Удовольствие быть в массе — это чувство радости при умножении чисел, которое давно подозревалось у членов западного общества.

В этом обществе отделение индивидуума от группы в пространстве (частная жизнь), в мышлении ("точка зрения") и в работе (специализация) имело культурную и технологическую поддержку в письменности и сопутствующей ей галактике промышленных и политических институтов. Но мощь печатного слова по созданию однородного общественного человека неуклонно росла до нашего времени, создавая парадокс "массового сознания" и массового милитаризма гражданских армий. Доведенные до механизированного предела буквы часто производили действие обратное цивилизации, так же как перечисление в давние времена, видимо, разрушало племенное единство, о чем говорится в Ветхом Завете ("Гнев Господень опять возгорелся на израильтян и возбудил он в них Давида исчислить Израиля"). Фонетические буквы и числа были первыми средствами фрагментации и детрибализации человека.

В западной истории мы традиционно и по праву относились к буквам как к источнику цивилизации и рассматривали нашу словесность как пробу цивилизации. Однако, с нами все время была тень

числа, языка науки. Взятое отдельно, число так же таинственно, как и письменность. Рассмотренное в качестве продолжения наших физических тел, оно становится вполне постигаемым. Так же, как письменность является продолжением и отделением наиболее нейтрального и объективного чувства — зрения, число является продолжением и отделением самой личной и интимной деятельности — осязания.

Эта способность к осязанию, названная греками "гаптической", была как таковая популяризована в Германии, в 20-х годах программой чувственного образования "Баухауза" — в произведениях Пауля Клее, Вальтера Гропиуса и многих других. Чувство осязания, как привнесение своего рода нервной системы или органического единства в произведение искусства, завладело умами художников со времен Сезанна. Сейчас, спустя столетие, художники отвечают на вызов века электричества тем, что используют чувство осязания для унифицирования всех остальных чувств. Парадокс, но это было достигнуто "абстрактным искусством", которое предложило произведению центральную нервную систему, а не общепринятую шелуху старого живописного образа. Людям все чаще приходит на ум, что для цельного существования необходимо осязание. Невесомому обитателю космической капсулы приходится бороться за сохранение целостного чувства осязания. Механические технологии продолжения и отделения телесных функций привели нас к состоянию разрушенной целостности, вытолкнув из осязания самих себя. Вполне возможно, что в нашей сознательной внутренней жизни взаимодействие между чувствами является тем, что определяет сознание. Возможно, "осязание" — не просто соприкосновение кожи с "вещами", но сама жизнь вещей в "сознании"?... Достигнув всемирной фрагментации, естественно подумать о всемирной целостности. Такая универсальность сознательного бытия для человечества грезилась Данте, который считал, что люди останутся осколками до тех пор, пока не будут объединены в общем сознании. Сегодня мы имеем, вместо общественного электрически упорядоченного сознания, частное подсознание и личную "точку зрения", сурово наложенные старой механической технологией. Это совершенно естественный итог "культурного отставания" или столкновения в мире, подвешенном между двумя технологиями.

Древний мир магически ассоциировал число со свойствами физических вещей и их необходимыми причинами, в то время как наука до сегодняшнего времени стремилась свести предметы к числовым количествам. Во всех этих проявлениях, однако, число обладает как слуховым, так и повторяющимся резонансом, в также осязательным измерением.

Свойства числа объясняет его силу при создании эффекта иконы или скатого образа. Таково его использование в газетных и журнальных заметках: "Велосипедист Джон Джеймсон, 12, столкнулся с автобусом" или "Уильям Самсон, 51, новый вице-президент "Брумса"". С помощью правила большого пальца журналисты открыли иконическую силу числа.

Со времен Анри Бергсона и группы художников 4 "Баухауз", не говоря о Юнге и Фрейде, неписанные и даже антиписанные ценности племенного человека принялись воодушевленно изучать и выдвигать вперед. Для многих европейских деятелей искусства и интеллектуалов джаз стал одним из основных пунктов в их поисках целостного Романтического Образа. Некритичное восхищение европейского интеллектуала племенной культурой проявляется в восклицании архитектора Ле-Корбюзье при виде Манхэттена: "Это горячий джаз в камне". Оно вновь возникает в рассказе художника Могой-Надя о его посещении в 1940 году ночного клуба в Сан-Франциско. Негритянский ансамбль играл с усердием и смехом. Внезапно один музыкант пропел "Один миллион три", и ему ответили: "Один миллион и семь с половиной". Затем запел другой: "Одиннадцать", а другой: "Двадцать один". Среди "радостного смеха и пения числа завладели всем помещением".

Могой-Надь отмечает, что для европейцев Америка кажется страной астракций, где числа живут своей собственной жизнью...

... Вероятно, своего рода эхо промышленной культуры сильно влияет на цены, таблицы, и цифры. Возьмем 36-24-36*. Числа не могут стать более осязаемыми, чем тогда, когда бормочутся как магическая формула женского образа, в то время как гаптическая рука касается воздуха.

У Бодлера было верное чутье на число как осязающую руку или нервную систему для взаимоотношения отдельных единиц, когда он говорил: "Число - внутри личности. Упоение - это число". Что объясняет, почему "удовольствие быть в массе - это таинственное выражение радости при умножении числа". Число не только, так сказать, слухово и звучащее, как произносимое слово, но и проистекает из осязания, продолжением которого является. Статистические скопления или столпотворения ~~линии~~ чисел - это современные наскальные рисунки. В любом смысле, сборище чисел статистически дает человеку новый приток первобытного чутья и магически подсознательного знания - в общественном ли вкусе, или в ощущениях: "Вы чувствуете себя более удовлетворенным, когда пользуетесь хорошо известными товарами".

* Стандартные обмеры женского тела, в дюймах. - Прим. пер.

Как деньги, часы и другие разновидности систем мер, числа начинают жить отдельной жизнью и приобретают глубину с развитием письменности. Общества, не имеющие письменности, мало пользуются числами, а современные цифровые вычислительные машины заменяют числа на "да" и "нет". Вычислительная машина сильна в контурах, слаба в числах. Значит, в самом деле, век электричества к добру или злу вернул числу единство со зрительным и слуховым опытом.

"Закат Европы" Освальда Шпенглера в основном опирался на его интерес к новой математике. Не-евклидова геометрия, с одной стороны, и расцвет функций в теории чисел, с другой, казались Шпенглеру пророчеством конца западного человека. Он не понял то, что изобретение евклидова пространства, само по себе, является прямым итогом воздействия фонетического алфавита на чувства человека. Не осознавал он и того, что число — продолжение физического тела человека, продолжение осязания. "Бесконечность функциональных процессов", в которых, как мрачно виделось Шпенглеру, растворяются рациональные числа и геометрия, также является продолжением нашей центральной нервной системы в электрических технологиях. У нас нет нужды благодарить апокалиптических писателей вроде Шпенглера, рассматривающих наши технологии как космических пришельцев. Шпенглеры — по-племенному замороженные люди, жаждущие упасть без чувств в коллективное бессознательное и упоение числом. В Индии идея "даршана" — вистического опыта нахождения в очень больших скоплениях — стоит на конце спектра, противоположном западной идее ценностей сознания.

Самые отсталые племена Австралии и Африки, как и сегодняшние эскимосы, еще не умеют считать по пальцам, нет у них и последовательности чисел. Вместо этого — бинарная система независимых чисел для "одного" и "двух" с составными числами до "шести". После "шести" следует "куча". Лишенные чувства последовательности, они едва ли различат, что из семи булавок две будут убраны. Но немедленно поймут, что пропала одна булавка. Табиас Данциг, исследовавший эти вопросы, указывает (в книге "Число: язык науки"), что способность к деторождению или кинестетическое чувство этих людей сильнее, чем чувство числа. Это, определенно, показатель развития в культуре с появлением числа упора на зрение. Целостная племенная культура вряд ли окажет на сепаратиста зрительное и индивидуалистическое давление, ведущее к разделению труда, а затем к таким ускоренным формам, как письменность и деньги. С дру-

гой стороны, западному человеку, раз ему предопределено придерживаться фрагментарных и индивидуалистических путей, которые он извлек, в частности, из печатного слова, можно посоветовать выкинуть всю его электронную технологию, начиная с телеграфа. Врывной (сдавливающий) характер электронной технологии крутит пластинку или пленку западного человека в обратном направлении, к сердцевине племенной тьмы, к тому, что Джозеф Конрад называл "внутренней Африкой". Мгновенный характер движения электрической информации не увеличивает, но вовлекает семью человека в сплоченное состояние деревенского житья.

Кажется противоречивым, что раскалывающая и разделяющая сила аналитического западного мира должна происходить из усиления зрительных способностей. Это же зрение, к тому же, ответственно за привычку видеть все вещи непрерывными и связанными. Фрагментация посредством упора на зрение происходит при выделении мгновения времени, или области пространства, то есть без привлечения осязания, слуха, обоняния, движения.

... Шпенглер был повергнут в отчаяние тем, что он воспринял как отход Запада от Численных Величин в Сказочную Страну Функций и Абстрактных Отношений. "Самое ценное в классической математике, — писал он, — это утверждение, что число есть сущность всех вещей, воспринимаемых чувствами. Число, определенное как мера, содержит целый мир душевных чувств, страстно преданных "здесь" и "сейчас". Измерение в этом смысле означает измерение чего-то близкого и материального".

... Сумей Шпенглер найти истоки числа и эвклидова пространства в психологическом воздействии фонетического алфавита, "Закат Европы" не был бы написан. Эта работа основана на предположении, что классический, аполонический человек был не продуктом технологического уклона в греческой культуре (а именно, раннего влияния письменности на племенное общество), а скорее итогом особого трепета души, расположенной в груди греческого мира. Это поразительный пример того, как легко отдельно взятой культуры пугаются, когда какие-то знакомые образцы или вехи сносятся или передвигаются из-за непрямого давления нового средства. Шпенглер, так же как и Гитлер, извлек из радио подсознательный мандат на объявление конца любым "рациональным" или визуальным ценностям...

Как пишет Тобиас Данциг, продвижение от ощупывания пальцами к "понятию однородного числа, сделавшего математику возможной" есть итог зрительного абстрагирования от процесса осязания...

Возвращаясь ненадолго к вопросу числа в его самом ограниченном проявлении, Данциг поясняет, что идея однородности появилась до того, как примитивные числа были доведены до уровня математики, и указывает на другой письменный и зрительный фактор в древней математике. "Соответствие и следование, два принципа, пронизывающих математику - да нет, все царства точных наук - вплетены в саму ткань нашей системы чисел^е", - отвечает он. В самом деле, они вплетены в ткань западной логики и философии. Мы уже видели, как фонетическая технология воспитала зрительную непрерывность и личную точку зрения, и как это повлияло на возникновение единообразного евклидова пространства. Данциг говорит, что именно идея соответствия порождает количественные числительные. Обе эти пространственные идеи - линейность и точка зрения - пришли с письменностью, особенно с фонетической письменностью; но ни одна из них не необходима в новой математике и физике. Письменность тоже не необходима электрической технологии. Конечно же, письменность и общепринятая арифметика могут еще долго использоваться человеком. Даже Эйнштейн не мог приспособиться к новой квантовой физике. Он говорил, что с квантами нельзя обращаться математически. Все равно, что сказать, что поэзию нельзя должным образом перевести в чисто зрительную форму на печатной странице.

Данциг развивает свою точку зрения на число, замечая, что народы, имевшие письменность, быстро оставили абак и счет на пальцах; хотя руководства по арифметике времен Возрождения сохраняют правила вычисления с помощью рук. Может быть, верно, что в некоторых культурах числа предшествовали письменности, но так, что письменности предшествовал упор на зрительное. Ибо письменность - единственное принципиальное проявление продолжения нашего зрения...

Данциг напоминает нам, что в рукописные времена существовало беспорядочное множество знаков для числительных, и что они не имели постоянной формы вплоть до книгопечатания...

Связь средневекового позиционного нуля с бесконечной точкой Возрождения - главный факт в отношении чисел. И бесконечную точку, и бесконечность, не известные в греческой и римской культурах, можно объяснить как побочные продукты письменности... В качестве одной стороны перспективы и книгопечатания, математическая или числовая бесконечность служит примером того, как различные физические продолжения или средства воздействуют одно на другое через наши органы чувств...

Воздействие любого вида технологии вызывает в нас новое равновесие, которое порождает новые технологии, как мы только что видели во взаимодействии числа и более ~~общих~~ абстрактных форм письменной и/или визуальной культуры. Технология печатания преобразовала средневековый нуль в бесконечность Возрождения не только посредством сходящейся перспективы и бесконечной точки — но и путем введения, впервые в истории человека, фактора точной повторяемости. Книгопечатание дало людям понятие неограниченного повторения, так необходимого математическому понятию бесконечности.

Тот же самый гутенберговский факт единообразных, непрерывных и неограниченно повторяемых единиц вызвал связанное с ним понятие исчисления бесконечно малых, посредством которого стало возможным перевести любое замысловатое пространство в прямое, плоское, единообразное и "рациональное". Такое понятие о бесконечности не обусловлено логикой, это — подарок Гутенберга, как позднее — конвейер. Возможность переводить знание в механическую продукцию путем разбиения любого процесса на фрагменты, расположенные в линейной последовательности заменяемых, но единообразных частей — формальная суть печатного станка...

Значит, это еще один известный, хоть и не признанный, пример возможности одного средства переводить себя в другое. Там как все средства суть продолжения наших собственных тел и органов чувств, и так как мы по привычке переводим одно чувство в другое в собственном существовании, нас не должно удивлять, что продолженные органы чувств или технологии должны повторять процесс перевода и усвоения одной формы другой. Такой процесс вполне может быть не отделен от характера осязания и от притирания поверхностей, будь то в химии, в толпе или в технологии. Таинственную потребность толпы расти и распространяться можно понять, если деньги и числа, в самом деле, являются технологиями, продолжающими возможность осязания и хватания рукой. Ибо числа, составленные из людей и из цифр, и денежные единицы обладают, видимо, одной и той же действительной магической способностью схватывать и объединять...

"Вы можете видеть, мадам, - сказал д-р Джонсон, - что я воспитан должным образом до степени излишней щепетильности". Какой бы степени единообразия не достиг доктор при новом упоре его времени на опрятность воротничка, он отлично знает о растущей общественной требовательности к визуальному приличию.

Печать с помощью наборного шрифта была первой механизацией сложного ремесла и стала архетипом всей последующей механизации. От Рабле и Мора до Милля и Морриса типографский взрыв продолжил сознания и голоса людей, чтобы начать человеческий диалог во всемирном масштабе и связывающий века. Ибо, рассматриваемая как хранилище информации и как новый способ быстрого восстановления знания, типография покончила с ограниченностью и трибализмом психически и социально, как в пространстве, так и во времени. В самом деле, первые два столетия книгопечатания с помощью наборного шрифта мотивировались более желанием увидеть древние и средневековые книги, нежели потребностью ~~массовых~~ читать и писать новые. До 1700 года свыше 50% напечатанных книг были древними или средневековыми...

Как любое другое продолжение человека типография имела психические и социальные последствия, которые сдвинули прежние границы и модели культуры. Сплавив древний и средневековый миры, печатная книга сотворила третий мир, современный, который ныне сталкивается с новой электронной технологией или новым продолжением человека. Электрические способы передачи информации меняют типографскую культуру так же резко, как книгопечатание изменило средневековую рукописную и схоластическую культуру.

Беатриса Уорд недавно описала в своем "Алфавите" электрическое табло с буквами, рисуемыми светом. Это была кинореклама Нормана Макларена, по поводу которой она ^аспрашивает:

Удивитесь ли вы, что я опоздала тем вечером в театр, когда я скажу вам, что видела две египетские "А" с толстыми ножками, прогуливающихся под руку с безошибочно мозикхольным покачиванием?... После сорока столетий необходимо статичного Алфавита, я увидела, что его члены могут выделять в четвертом измерении - Времени, "течении", движении. Вполне можно сказать, что я была наэлектризована.

Ничто не может быть дальше от типографской культуры с ее местом для всего и всем на ~~своем~~ месте".

Г-жа Уорд всю жизнь изучала типографию, и она демонстрирует определенный такт в своей испуганной реакции на буквы, которые не напечатаны, а нарисованы светом. Возможно, разрыв, начатый фонетическими буквами *ſ* ("зубы дракона", посеянные царем Кадмом) обернется "взрывом" от толчка мгновенной скорости электричества. Алфавит (и его продолжение в типографии) сделал возможным распространение силы, которая есть знание, и уничтожил узы племенного человека, вывырнув его таким образом в скопление индивидуумов. Электрическая письменность и скорость обрушивают на него, мгновенно и постоянно, заботы всех остальных людей. Он вновь оказывается в племени. Семья человечества опять оказывается племенем.

Изучающего общественную историю печатной книги, вероятно, должно смутить отсутствие понимания психического и социального воздействия книгопечатания. За пять столетий прямых объяснений и знаний о его воздействии на человеческие чувства очень мало. Но то же самое можно сказать о любых продолжениях человека будь то одежда или вычислительная машина. Продолжение оказывается усилением органа, чувства или функции, которое побуждает центральную нервную систему к самозащите — онемению продолженной области, по крайней мере, в той степени, в какой это касается непосредственного наблюдения и знания. Косвенное объяснение воздействия печатной книги можно в избытке обнаружить в произведениях Рабле, Сервантеса, Монтеня, Свифта, Попа и Диккенса. Они использовали типографию для того, чтобы создавать новые формы искусства.

Психически печатная книга — продолжение способности видеть — углубляет перспективу и закрепленную точку зрения. В сочетании с визуальным упором на точку зрения и бесконечной точкой, дающей иллюзию перспективы, возникает другая иллюзия — что пространство визуальное, однородно и непрерывно. Линейная точность и единообразие наборных шрифтов неотделимы от этих великих культурных форм и начинаний опыта Возрождения. Новое усиление визуального давления и личной точки зрения в первом веке книгопечатания соединялось со способами самовыражения, ставшими возможными посредством типографического продолжения человека.

Социально типографическое продолжение человека внесло национализм, индустриализацию, массовые рынки, всеобщую грамотность и образование. Ибо книгопечатание представляло образ пов-

торяемой точности, вызывавший совершенно новые формы выделения социальных энергий. Оно высвободило огромную энергию в период Возрождения, как сегодня в России и Японии, выбросив индивидуума из традиционной группы и снабдив образцом, как сложить индивидуума с индивидуумом в массивном силовом скоплении. Тот же дух частного предпринимательства, побуждавший художников к культивированию самовыражения, привел других людей к созданию огромных корпораций — военных и торговых.

Вероятно, самый значительный дар типографии человеку — дар отстраненности и невовлеченности, способность действовать, не реагируя. Наука со времен Возрождения превозносила этот дар, ставший затруднением в век электричества, в котором все люди непрерывно вовлечены во всех. Само слово "беспристрастный", выражающее высшую ~~индивидуальную~~ отстраненность и нравственную целостность типографического человека, в последнее десятилетие стало означать: "Ему наплевать". Целостность, определяемая термином "беспристрастный" как пробой ученого нрава образованного и просвещенного общества, сейчас все больше отвергается как "специализация" и фрагментация знаний и чувств. Аналитическая мощь печатного слова вызвала в наших душах то "расщепление чувств", которое в искусстве со времен Сезанна и Бодлера первым подвергалось устранению в любой программе преобразований вкуса и знаний. Во "взрыве" века электричества разделение мыслей и чувств кажется таким же странным, как система факультетов в институтах и университетах. Однако, именно эта сила, разделявшая мысли и чувства, и позволявшая действовать не реагируя, выбросила человека из паменного мира тесных семейных уз в личную и общественную жизнь.

Типография была не большим добавлением к ремеслу переписчика, чем автомобиль — добавлением к лошади. У книгопечатания была своя фаза "безлошадного экипажа", когда в течение первых десятилетий его не понимали и не применяли, когда покупатель печатной книги нередко отдавал ее переписчику для копирования и иллюстрирования... Книжный рынок был рынком подержанных, относительно редких изданий. Книгопечатание изменило и процесс обучения, и рынок. Книга стала первой обучающей машиной, а также первым массовым товаром. Усилив и продолжив написанное слово, типография открыла и во многом продолжила структуру письменности... Новое средство не просто добавление к старому, и оно не оставляет его в покое. Новое средство не перестает давить на старые, пока не

найдет для них новых форм и положений... Печатание дало огромную новую память для писаний о прошлом, что сделало личную память недостаточной.

Маргарет Мид рассказывала, что когда она привезла несколько экземпляров одной книги на тихоокеанский остров, это вызвало огромное возбуждение. Местные жители видели раньше книги, но лишь по одному экземпляру, и предполагали, что это нечто единственное в своем роде. Их удивление от тождественности нескольких книг было естественной реакцией на самую магическую и могущественную сторону печатания и массового производства однородности, что является ключ к пониманию могущества Запада. Открытое общество открыто благодаря единообразному типографическому процессу образования, который позволяет любой группе неограниченно расширяться с помощью аддитивных методов...

Психические и социальные последствия книгопечатания включали в себя продолжение его слоистости и единообразия до постепенного достижения однородности различных районов при итоговом возрастании могущества, силы и агрессии, которое мы ассоциируем с новым национализмом. Психически зрительное продолжение и усиление личности посредством книгопечатания имело массу последствий. Вероятно, так, как и любой другой, потрясает эффект, замеченный Форстером, который, обсуждая шрифты Возрождения, предполагает, что "печатный станок, тогда возрастом лишь в столетие, ошибочно принимали за средство достижения бессмертия, и люди спешили ввернуть ему дела и страсти для будущих веков". Люди начинали действовать так, словно бессмертие было заложено в магической повторяемости и продолжениях книгопечатания. Другой значительной стороной единообразия и повторяемости печатной страницы стало давление, которое она оказывает в направлении "правильного" произношения, написания и синтаксиса. Еще более заметным было воздействие печати на отделение поэзии от песни, прозы от красноречия и народного говора от грамотной речи. Что касается поэзии, дало обесфрнулось так, что поэзию можно ~~ши~~ было читать, не слыша ее, а на музыкальных инструментах играть, не аккомпанируя стихам. Музыка отошла от произносимого слова, чтобы опять сойтись у Бартока и Шёнберга...

Единообразие и повторяемость книгопечатания пропитали Возрождение идеей времени и пространства как непрерывных измеряемых свойств. Незамедлительным следствием этой идеи была десакрализа-

ция природы, а также государства. Новый метод управления физическими процессами путем сегментации и фрагментации отделил Бога от природы так же, как человека от природы и человека от человека. Потрясение от такого отхода от традиционного видения и знания часто связывали с Макиавелли, который лишь продемонстрировал новые качественные и нейтральные или научные идеи о силе, в применении к управлению царствами...

Из многих непредвиденных последствий типографии появление национализма, вероятно, самое известное. Политическая унификация населения посредством диалектных и языковых групп была немыслима до того, как книгопечатание превратило каждый диалект в продолженное средство массовой коммуникации. Племя — продолженная форма семьи близких родственников — взорвано книгопечатанием и замещено объединением людей, единообразно воспитанных быть индивидуумами. Сам национализм явился в качестве нового сильного зрительного образа группового предназначения и положения, и зависел от скорости информации, неизвестной до книгопечатания. Сегодня национализм как образ все еще зависит от прессы, но против него все электронные средства. В торговле, как и в политике, воздействие даже скоростей самолетов делает старые национальные группировки социальной организации совершенно непригодными...

Прямо связан с такими экспансивными свойствами переворот в средствах выражения. В условиях рукописей роль автора была смутной и неопределенной, как и менестреля. Следовательно, самовыражение интересовало его очень мало. Типография создала средство, с помощью которого можно говорить громко и смело ~~или~~ всему миру... Смелость шрифта породила смелость выражения...

ПИШУЩАЯ МАШИНА: В век железной игрушки

Рассуждения Роберта О'Брайена, писавшего в 1904 году в ежемесячнике "Атлантик", открывают обширное поле социального материала, до сих пор не изученного. Например:

Изобретение пишущей машинки ~~шии~~ дало страшный толчок привычке диктовать... Это означает не только большую многословность, но и выдвигает вперед точку зрения говорящего...

В 1882 году объявления утверждали, что машинка может стать помощником при обучении чтению, письму, правописанию, расстановке знаков препинания. Сегодня, восемьдесят лет спустя, машинка используется для этого лишь в экспериментальных классах. Но поэты вроде Чарльза Олсона красноречиво провозглашают могущество машинки, помогающей поэту определять дыхание, паузы, переносы, даже слогов, наложение, даже частей предложений, которые он намерен применить, заметив, что впервые у поэта есть нотные линейки и тактовые черточки, которые раньше были лишь у музыканта.

... Поэт и романист сегодня пишут на машинке. Машинка спланировала воедино сочинение и издание, вызвав совершенно новое отношение к написанному и напечатанному слову. Сочинение на машинке изменило формы языка и литературы таким образом, который хорошо виден в поздних романах Генри Джеймса, надиктованных Федоре Бозанке, которая не стенографировала их, а печатала...

Благодаря Генри Джеймсу машинка стала твердой привычкой с 1907 года, и его новый стиль развил своего ~~пишущий~~ рода свободное, заговорное свойство. Его секретарша рассказывает, что он находил диктовку не только более легкой, но и более вдохновляющей, нежели сочинение пером... В самом деле, он настолько привязался к звуку машинки, что даже на смертном одре попросил, чтобы поблизости стучал его "ремингтон".

Насколько большой вклад внесла машинка с ее свободным пространством в развитие верлибра, трудно определить, но свободный стих действительно был возвращением в поэзию разговорного, драматического, и машинка способствовала этому качеству. Сидя за

шаркать как Чаплин. Ибо он является публикой своей собственной механической наглости, и никогда не прекратит реагировать на свое собственное выступление. Сочинять на пишущей машинке — все равно, что запускать воздушного змея.

Стихотворение Э.Э.Каммингса, прочитанное вслух с широким набором ударений и скоростей, повторяет процесс восприятия его машинопишущего творца. Как бы любил сочинять на машинке Джерард Гопкинс! Люди, полагающие, что поэзия — для глаза и должна читаться молча, вряд ли пойдут за Гопкинсом и Каммингсом. Читаемая вслух, поэзия становится совершенно естественной. Написание имен с маленьких букв, как "беллаибетти", смущало образованных людей сорок лет назад. Так и должно было быть.

Элиот и Паунд использовали машинку для большего разнообразия основного воздействия своих стихов. Благодаря им машинка стала устным и подражательным орудием, давшим им разговорную свободу мира джаза и регтайма. Самая разговорная и джазовая из поэм Элиота, "Суини-Агонист", при первом своем появлении в напечатанном виде, имела примечание: "Откуда идешь домой, детка?"...

ТЕЛЕФОН: Медь звучащая или звонящий символ?

... Джеймс Джойс в "Поминках по Финнегану" вводит заголовок "В ССОРЕ БРАТЬЕВ ТЕЛЕВИДЕНИЕ УБИВАЕТ ТЕЛЕФОН", затрагивая главную тему технологически продолженных чувств, которая, на самом деле, идет в нашей культуре более десятилетия. С телефоном пришло продолжение уха и голоса, то есть, своего рода сверхчувственное восприятие. С телевидением пришло продолжение осязания или чувства взаимодействия, которое еще более лично затрагивает все остальные чувства.

Ребенок и подросток понимают телефон, лаская шнур и трубку, словно домашних животных. "Французский телефон", то есть союз микрофона и наушника в одном приборе — прекрасный показатель французского содружества чувств, которые англоязычные люди жестко разделяют. Французский — "язык любви" потому, что он объединяет голос и ухо особенно тесно, так же, как это делает телефон. Так что вполне естественно целовать по телефону, но не так легко, говоря, представить человека зрительно.

Самое неожиданное общественное последствие телефона — уничтожение кварталов красных фонарей и появление "девушек по вызову". Для слепого — все неожиданно. Форма и характер телефона, как любой электрической технологии, вполне проявляются в его стремительном развитии. Проститутка была специалистом, "девушка по вызову" им не является. "Дом свиданий" не был домом; но сегодня "девушка по вызову" живет дома и даже может быть матерью семейства. Сила телефона — в децентрализации любой операции и окончании позиционной войны, а также в локализации проституции — повсеместно ощущается, но не понимается.

Телефон, в случае "девушки по вызову", — словно пишущая машинка, объединяющая функции сочинения и издания. "Девушка по вызову" обходится без сводницы и без хозяйки. Ей приходится быть участником любого разговора и общественного воспитания, так как она ~~или~~ должна быть способна войти в любую компанию на основе общественного равенства. Пишущая машинка отколола женщину от дома и превратила ее в конторского служащего, телефон вернул ее в мир руководства, как основное средство гармонии, как приглашение и

к счастью, своего рода совмещения исповедально-причитальная стенка для незрелого американского руководителя.

Пишущая машинка и телефон — самые непохожие близнецы, которые занялись переделкой американской девушки с технологической беспощадностью и тщательностью.

Так как средства суть части нас самих, продолжение в царство общественного, воздействие на нас любого из них стремится привести другие чувства к новым отношениям. Когда мы читаем, мы создаем звуковую дорожку для печатного слова; когда слушаем радио, создаем зрительное сопровождение. Почему же мы не можем представлять зрительно того, с кем говорим по телефону? Читатель сразу возразит: "Но я представляю зрительно того, с кем говорю по телефону!" Когда у него будет возможность тщательно провести эксперимент, то обнаружится, что он не может представлять зрительно, говоря по телефону, хотя все образованные люди пытаются это делать, и, поэтому, считают, что это им удастся. Но образованного и все представляющего зрительно западного человека в телефоне раздражает больше всего не это. Некоторые люди не могут говорить по телефону даже со своими лучшими друзьями, не начиная раздражаться. Телефон требует полного участия, в отличие от написанной или напечатанной страницы. Образованный человек возмущен такими суровыми требованиями к его вниманию, потому что он давно привык к фрагментарности. Точно так же, образованный человек может лишь с большим трудом научиться говорить на других языках, ибо обучение языку требует участия в с е х чувствах одновременно. С другой стороны, наша привычка все представлять зрительно делает западного человека беспомощным в непредставимом мире современной физики. Лишь у висцеральных и аудио-тактильных тевтонца и славянина есть необходимый иммунитет к зрительному представлению для работы в не-евклидовой математике и квантовой физике. Даже если бы мы учили математику и физику по телефону, высокообразованный и абстрагированный человек Запада не мог бы в конце концов соперничать с европейскими физиками...

Большинство людей чувствует сильную потребность "рисовать", говоря по телефону. Этот факт тесно связан с отличительной чертой данного средства, а именно, с тем, что оно требует участия наших чувств и способностей. В отличие от радио его нельзя использовать в качестве фона. Так как телефон предлагает очень бедный слуховой образ, мы усиливаем и дополняем его, используя другие чувства. Когда слуховой образ вполне определен, как у радио, мы делаем

переживание зрительным — дополняем его зрением. Когда зрительный образ вполне определен и силен, мы дополняем его звуком. Вот почему добавление к фильму звуковой дорожки вызвало такой мощный художественный подъем. В действительности, этот переворот почти сравним с переворотом, произведенным изобретением кино. Ибо кино — соперник книги, стремящийся дать зрительный ряд повествовательных описаний и утверждений, который более полон, нежели написанное слово.

В 1920-х годах была популярна песня "Все одиноки по телефону, всем одиноким грустно". Почему телефон создает столь глубокое чувство одиночества? Почему мы чувствуем обязанность отвечать на звонок общественного телефона, который, как мы знаем, нас не касается? Почему телефон, звонящий на сцене, создает мгновенное напряжение? Почему напряжение, создаваемое звонком, на который не отвечают, в кино намного меньше? Ответ на все эти вопросы в том, что телефон — ~~входящий~~ это форма участия, требующая партнера со всей силой полярности электричества. Он не может действовать в качестве фона, как радио...

Необычный пример силы телефона в вовлечении всей личности зарегистрирован психиатрами, которые утверждают, что дети-невротики, говоря по телефону, теряют свои невротические симптомы. В заметке "Нью-Йорк таймс" от 7 сентября 1949 года — еще одно странное свидетельство телефону как форме участия:

6 сентября 1949 года Говард Арну, давно лечившийся от психоза, в припадке бешенства убил на улицах Кэмдена (штат Нью-Йорк) тринадцать человека после чего вернулся домой. Оперативные группы, вооруженные автоматами, карабинами и бомбами со слезоточивым газом, завязали перестрелку. В это время редактор "Кэмден ивнинг курьер" нашел имя Арну в телефонной книге и позвонил ему. Арну прекратил стрелять и снял трубку:

- Слушаю.
- Это Говард?
- Да...
- Зачем ты убиваешь людей?
- Не знаю. Я не могу ответить. Поговорим в другой раз.

Сейчас я занят.

Арт Сайденбаум в недавней статье в "Лос-Анджелес таймс" под заголовком "диалектика неперечисленных телефонных номеров" пишет:

Знаменитости всегда прячутся. Парадокс, но в то время, как их имена и образы заполняют широченные экраны, они принимают все большие меры, чтобы с ними невозможно было поговорить ни во плоти, ни по телефону... Многие знаменитости вообще не снимают трубку; звонок принимает обслуживающий персонал и только в особых случаях передает его краткое содержание... "Не звоните нам" — это может быть кодом всей Южной Калифорнии.

Выражение "все одиноки по телефону" замкнуло круг. Вскоре телефон будет "одинок" и ему будет "грустно".